Академик Станислав Александрович Астапчик — знаковая фигура отечественной науки. В свои 75 он энергичен и бодр, инициативен и решителен. Взрывной темперамент ярко проявляется в речи — то тихой, еле слышной, то громкой, подобно импровизации джазового музыканта от переполняемых его чувств. Когда говорят о «физиках и лириках» — это об академике Астапчике. Его особая страсть — Физико-технический институт НАН Беларуси, которому он верой и правдой служит уже более 50 лет, а еще поэзия.

Любовь как энергия жизни

Мы условились о встрече заранее, и Станислав Александрович терпеливо ждал меня у входа в институт. Я перепутала остановки, пришлось одну пройти пешком, и, хотя торопилась, все-таки на пару минут припозднилась. Он встретил меня доброжелательной улыбкой и проводил в свой кабинет. На дверях табличка — «Академик Станислав Александрович Астапчик». «Это ученики поднесли в подарок — целых две, одну закрепили здесь, а вторую я приберег, как говорят, на черный день. Не надо будет потом суетиться», — с гордостью и легкой грустью пояснил Станислав Александрович. Кабинет оказался почти пустым: стол в центре, заваленный книгами и бумагами, два телефона — вот и весь интерьер… Хозяин показался мне немного смущенным. Разговаривая, он постоянно тянулся то к книгам, то к статьям, чтобы найти нужные, которые могли подкрепить какие-то его высказывания. Беседа зашла о человеческом интересе — и его суетность исчезла. «В обществе ничего не делается без человеческого интереса: все, что совершается в жизни — как плохое, так и хорошее, — результат чьего-то интереса. Можно говорить о заинтересованности отдельных личностей, коллективов, государств… Как эмоциональное состояние интерес связан с познавательной деятельностью и является побудителем к действию и движению», — заявил Станислав Александрович.

— В чем же интерес ученого?

— Человек науки — добровольный заложник жажды познания, он испытывает азарт, стремится к новым открытиям, способен отказаться от материальных благ. Как важно заниматься в жизни делом, которое тебе нравится! Я счастливчик, ибо судьба у меня именно такая — все делать с интересом. Очень жаль тех, кто не сумел открыть в себе призвание и способности.

Совсем недавно я стал осознавать, что на путь науки меня умело направили школьные педагоги, «заразившие» физикой. В этом огромная заслуга учителя физики Анатолия Артемовича Гуслякова и талантливого психолога и математика Александры Яковлевны Губер. Я пошел в 8-й класс, когда отца, служившего в Воздушных войсках, перевели в Житомир, в поселок Скоморохи, где базировалась дальняя бомбардировочная авиация и куда он меня взял с собой. Именно там,

в гарнизонной школе, я впервые услышал фамилию академика Синельникова, о задачнике Моденова, стал участником олимпиад по физике и математике и даже победителем одной из них. Помню восторг и удивление Анатолия Артемовича: «Стась, ты победил! Ты неправильно выполнил четыре задачи, но вся комиссия признала фантастическим решение одной, а твою работу — лучшей». Олимпиада проходила в Житомирском педагогическом институте. Победитель получал право поступать в этот вуз на физико-математический факультет без экзаменов. Правда, правом этим я не воспользовался.

Академику Астапчику повезло. Талантливые учителя — первый шаг к дальнейшему успеху каждого из нас. Станислав Александрович стал говорить о своем деде Никите Романовиче Маргелове, который 50 лет проработал в Печерской начальной школе Костюковичского района Могилевской области — учителем, директором и завхозом одновременно.

Среди выпускников школы, где преподавал дед, были известные люди: генерал танковых войск Митрофан Зенькович, собкор газеты «Правда» по Белоруссии Иосиф Зенькович, член-корреспондент НАН Беларуси Михаил Бодяко — одноклассник мамы Станислава Александровича.

— В 1953 г. вместе со своим товарищем мы поехали поступать в Московский физико-технический институт. Это был новый, но уже получивший признание технический вуз страны, кузница элитных кадров. Шел третий набор на факультеты радиотехники, физической химии, ядерной физики и аэромеханики. Я мечтал стать студентом одного из них. Память зафиксировала анкету, на заполнение которой потребовалось полдня. А потом экзамены — 9 за две недели: физика, математика, алгебра, геометрия и тригонометрия — письменный до обеда и устный после... Конкурс — 25 человек на место. Проходной балл — только пятерка по физике и математике. Я споткнулся на тригонометрии: устный экзамен мне дался на «удовлетворительно». Это был удар по самолюбию, горечь поражения и неудачи! Крах надежд. Казалось, не стоит жить. Я обрил голову, приехал к деду и остался у него на год. Там занялся ежедневным изучением математики и физики. Никита Романович всячески способствовал моим занятиям и поощрял мои увлечения. Купил мне замечательную книгу М.С. Навашина «Телескоп астронома-любителя», потом по моей просьбе привез из Москвы монографию «Оптика» Исаака Ньютона. Она до сих пор у меня хранится. Под влиянием прочитанного я смастерил свой, домашний, телескоп и часами по ночам с наслаждением всматривался в небо и наблюдал за Луной. Тогда же у меня появилась идея фикс: если только посчастливится побывать в Англии, я непременно навещу могилу Исаака Ньютона, первого обладателя звания рыцаря, получившего его за научные заслуги.

Я и не представлял, что мои фантазии сбудутся. В 90-х гг. я посетил Лондон, Вестминстерское аббатство, и был потрясен мощью надгробной эпитафии: «Здесь покоится сэр Исаак Ньютон, который с почти божественной силой разума первый объяснил с помощью своего математического метода движение и форму планет, пути комет и приливы океанов… Да возрадуются смертные, что среди них жило такое украшение рода человеческого».

Замечательно, если рядом есть человек, готовый при любых обстоятельствах прийти на помощь, тогда не чувствуешь преград, которые не сможешь преодолеть. Спустя год Станислав Астапчик подал документы в Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина, получил на вступительных экзаменах 29 баллов из 30 возможных и стал студентом физико-математического факультета. На третьем курсе он сделал выбор в пользу физики твердого тела и полупроводников. Его учителем был академик Николай Николаевич Сирота. Однако по стопам наставника Астапчик не пошел, за что Николай Николаевич долгое время при встрече попрекал его неизменным «предатель», но впоследствии снял опалу и причислил к своим лучшим ученикам.

— Какую роль в вашей жизни играет случай?

— Вы думаете, в случайном нет закономерного? Я так не считаю. То, что мы называем случайным, на самом деле таковым не является. Подспудно это качественное изменение накопленных факторов, положительных или отрицательных. Нам не всегда дано понять и проследить причинно-следственную связь происходящих событий. И если мы не можем чего-то объяснить, мы говорим: «Это произошло случайно». Вот и я спустя годы, прожив длинную жизнь, не могу объяснить, почему не остался у Сироты. В один прекрасный день на моем жизненном пути появился Михаил Николаевич Бодяко. Однажды, инспектируя что-то в университете, он увидел меня и сманил в лабораторию индукционного нагрева. Так с 5-го курса я стал сотрудником Физико-технического института Академии наук БССР. Я прошел хорошую школу, все ступеньки карьерной лестницы — от старшего инженера, младшего научного сотрудника, заведующего лабораторией металловедения до директора института, академика-секретаря Отделения физико-технических наук.

Мой интерес к индукционному нагреву, то есть скоростной термообработке, свел меня на жизненном пути с вели-

Мама, 1933 г.

Дед Никита Романович Маргелов (справа)

Отец, 1942 г.

кими людьми, такими как Иван Николаевич Кудин, академик Виссарион Дмитриевич Садовский, Виталий Николаевич Гриднев, Георгий Федорович Головин, Константин Захарович Шепеляковский, Кирилл Федорович Стародубов, Иван Васильевич Франценюк — легендарный металлург, коллега, учитель и друг.

Вся моя научная карьера связана с производством. Я и Государственную премию СССР за создание научных основ, разработку и промышленное внедрение технологических процессов скоростного термического упрочнения сталей и сплавов получал в компании выдающихся командиров производства.

— А что вам кажется значимым с позиции сегодняшнего дня?

— Жизнь преподносила много сюрпризов, порой самых неожиданных. К примеру, когда наши специалисты предложили для военно-промышленного комплекса по тем временам уникальную индивидуальную защиту от поражения стрелковым оружием — титановые бронежилеты, которые по результатам экспертизы компетентной комиссии были признаны лучшими, — нам пришлось налаживать их серийный выпуск прямо на опытном участке института.

Тогдашний Президент Академии наук БССР Николай Александрович Борисевич опасался, что ФТИ превратится в завод ВПК, наши отписки, что мы не сможем выйти на заданные объемы и сроки, никто не брал в расчет. В приказном порядке, под роспись, меня назначили ответственным за выполнение правительственного задания. Наша команда переработала 3 тыс. т титана, который привозился на военизированной машине в специальных ящиках. Каждый понедельник на протяжении трех лет я докладывал в Госплан СССР о результатах работы. Примечателен в связи с этим один эпизод. Однажды в кабинете раздался звонок. «С вами говорит генерал-полковник Шабанов Виталий Михайлович — заместитель министра обороны СССР по вооружению…» Я, помню, даже привстал от неожиданности. «…Прошу вас подготовить доклад о работе академических учреждений Беларуси в интересах обороны страны для нашего рабочего совещания. Срок — две недели. За вами заедут и отвезут в Генеральный штаб».

Я собрал всю информацию от академических институтов, написал выступление и, как мне казалось, был вполне готов. За мной действительно заехал молодой генерал-майор, отвез на самолет, и через каких-то два часа мы были уже в Москве. Виталий Михайлович принял меня, сказал, что на доклад дает 20 минут, что слушатели — руководители малых военных предприятий ведущих производств пионерной техники. Зал был полон военными, они бодро приветствовали нас. Я начал выступление с работы Физтеха — производства бронежилетов. Но меня тут же перебили, стали критиковать, сославшись на публикацию в газете «Известия», вышедшую накануне, за некачественные подделки, которые якобы были конфискованы недавно на Казанском вокзале, за слабость защиты. Я занял оборону, и тут неожиданно на помощь пришел полевой командир. Его лаконичные слова меня сильно поддержали: «Не слушайте, товарищи! Понадобился Афганистан, чтобы Советская армия наконец получила бронежилеты. От имени полевых командиров могу сказать, что они держат упор М-16 и американский карабин. Тысячи жизней бойцов

сохранены!» Я продолжил свое выступление, доложил о других разработках белорусских ученых. Когда закончил, раздался шквал аплодисментов. Никак не мог понять, чем они вызваны. И только после Виталий Михайлович заметил: «Это были аплодисменты вам. Здесь за последние годы все докладчики от бумажки не могли глаз оторвать, а вы просто говорили».

Вспомнил я это не для показухи, мол, вот мы какие… Эта была работа, огромная и непростая. В тот момент я был горд за своих сотрудников, коллег и очень благодарен им за то дело, которое они осилили, за вклад, который они внесли в защиту человеческой жизни.

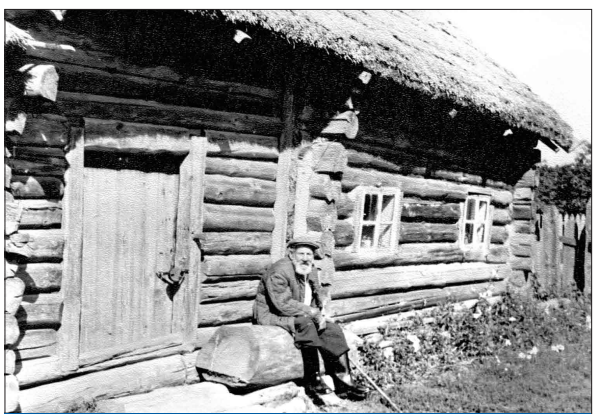
Бронежилет титановый 6БЖТ был принят на вооружение и внесен в реестр Министерства обороны СССР, а его авторы стали лауреатами Государственной премии БССР и премии Совета Министров СССР. Физико-технический институт НАН Беларуси — ведущая в республике научная организация в области материаловедения и обработки металлов. «Железный институт», как называют его в научных кругах Беларуси, известен серьезными научными заделами, десятками патентованных новых наукоемких технологий. Физтех можно по праву назвать полигоном современных технологий, современного производства. Так было во все времена. Достаточно упомянуть электроэрозионные станки и технологии, комплексы поперечно-клиновой прокатки, гидроударные прессы и магнитоабразивное полирование, малолистовые рессоры А.В. Степаненко и многие другие разработки.

Академик Астапчик убежден, что наука держится на интеллектуалах, творцах, людях, преданных своему делу. По его мнению, мощным двигателем науки на протяжении всей истории являются требования практики, именно она ставит задачи.

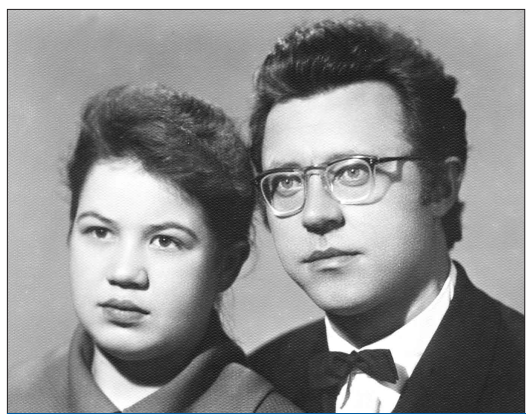
— Самое примечательное, — продолжает Станислав Александрович, — что успех Физтеха зиждется на прочной связи ученых, генерирующих новые идеи, и практиков, адаптирующих эти идеи для производственных нужд. Их гармоничное сочетание в стенах научной организации обеспечивает замечательные результаты. По моему глубокому убеждению, наивысшим критерием развития науки является наличие потребителя на созданные знания. Раньше требовались годы, чтобы придуманное учеными новшество стало частью экономики. Наука практически не была связана с повседневной жизнью. Сегодня время от рождения идеи до ее использования стремится к минимуму. Внедрение идет «с колес». Да и в выпускаемой продукции очень много «науки». Возьмем, к примеру, нашу лазерную резку. Ее применение на современных индустриальных предприятиях сделало их работу экологически безопасной, точной и высококачественной. Вместо огромных многотонных штамповочных пластин стоят неприметные установки, которые без шума, легко и быстро вырезают детали любой сложности. Только знаете, о чем болит душа? Пока, к сожалению, к науке слишком много претензий, а хотелось бы больше внимания.

— В таком случае речь идет о прикладной науке. Может быть, нашей стране достаточно иметь лишь отраслевые НИИ и не замахиваться на фундаментальные исследования?

— Ставить так вопрос — значит добровольно оскоплять общество, лишать его перспективы, обречь на вечное отставание, а НИИ уподобить пилораме. Джордано Бруно говорил: «Невежество — самая легкая наука, не требующая усилий и угрызений совести». Можно, конечно, копировать чужое, произво-

Дед Астапчик Василий Исакович. Дом, в котором пережили оккупацию (д. Синча, Пуховичский р-н)

С женой Галиной в день свадьбы

Заседание бюро Отделения физико-технических проблем машиностроения и энергетики, 1987 г.

дить неконкурентоспособный товар. А дальше что? Чем компенсировать эту «экономию» в бюджете в будущем? Говорят, слишком много ученых, а я скажу: водителей еще больше! Поймите, мы создали традиции, преемственность поколений. Широко развитая фундаментальная наука необходима потому, что она выполняет роль своеобразной системы слежения в меняющемся мире научных знаний и позволяет выбирать правильные ориентиры. От широты и глубины развития фундаментальных знаний решающим образом зависит качество высшего образования. Но наука не может существовать вне рынка и без связи с ним, без серьезного потребительского сегмента и согласованной межведомственной инновационной стратегии.

Станислав Александрович 19 лет руководил работой Физико-технического института. Он внес весомый вклад в развитие теории фазовых структурных превращений в металлах и сплавах при высоких структурных воздействиях, реализовал в производстве новые технологии получения особо тонкостенных гофрированных труб для упругих элементов, сверхпрочных М-С (мартенситно-стареющих) сталей, трансформаторной стали и автомобильного листа. Он подготовил 5 докторов и 15 кандидатов наук, является автором 7 монографий, более 120 научных статей, имеет 27 авторских свидетельств и патентов. Полвека академик Астапчик посвятил институту, который дал стране 20 академиков и 10 лауреатов Государственных премий Республики Беларусь и СССР.

— Легко ли было работать директором, ведь время вашего пребывания в этой должности совпало с развалом Союза?

— Я вместе с коллективом сражался за право быть. Мне кажется, что слово «сражался» вполне допустимо, в те годы по-другому институту было не выжить. Мы стремились избежать монотематики, поддерживали тесную связь с предприятиями республики, переносили свои научные разработки на исследовательскую базу производств, пытались адаптировать результаты научных исследований к действующим технологиям.

Да и на должность директора я был избран при жесточайшей конкуренции — пять претендентов на одно кресло. Недоброжелателей тоже было немало. Даже мой учитель М.Н. Бодяко и тот не поддержал мою кандидатуру, добавив при этом, что я был бы великолепным народным артистом, а директором ФТИ — вряд ли.

— У вас такой темпераментный и, как мне показалось, нетерпимый характер. Почему выбор пал на вас?

— Думаю, он был предопределен моим отношением к работе. Я никогда не шел на поводу у личных симпатий, всегда поддерживал дело, не впадал в отчаяние. У меня было правило, что за хорошую работу люди должны получать приличные деньги, и я ему следовал неукоснительно.

Недавно узнал, что ученые советы под моим руководствам называли спектаклем одного актера, а меня — диктатором. Я и впрямь вредный был, да и теперь такой же. Никогда не отодвигал сложные вопросы на потом, выслушивал многих, но решение принимал сам и отвечал за него. До сих пор в сейфе лежат списки, которые были составлены коллегами по моей просьбе, когда начался отток кадров. Я должен был знать, без кого институт не выживет. Сам я тоже составил такой. Знаете, что самое удивительное? Наши списки совпали, в нем были одни и те же фамилии. Я понял, что все знают, кто чего стоит и кто есть кто.

— Вы личность пылкая и увлекающаяся или все-таки у меня сложилось неверное представление?

— Я и впрямь натура увлекающаяся. Но горжусь тем, что могу вовремя остановиться. Будучи курильщиком с 40-летним стажем, я сумел отказаться от этой вредной привычки. Была в моей жизни еще одна настоящая страсть — шахматы. Научился игре по учебнику Г.М. Лисицына «Стратегия и тактика шахматного искусства». Еще в гарнизоне разыгрывал шахматные партии сам с собой, даже в соревнованиях участвовал. Меня всегда сажали за 5-ю доску, неприметный я был, но редко какому разряднику удавалось избежать пораже-

ния. Особенно когда тот делал ошибку — тут уж я был на высоте, знал и теорию, и дебюты. У меня даже за 1-е место в командном первенстве Воздушной армии грамота есть. Моим кумиром был шахматный гений Александр Алехин. Так вот игра настолько затягивала меня, что все дела шли по боку — как только на глаза попадались шахматные задачи, бывало, пока не решу, не могу остановиться. Но однажды я понял, что это идет во вред делу, и оставил шахматы.

— Очень часто ученые, по крайней мере большинство из них, испытывают сложности в быту, они, как говорится, не от мира сего, не всегда рациональны и, как малые дети, нуждаются в уходе и опеке. Это имеет отношение к вам?

— После окончания института жить было негде, ютился на работе, в лаборатории. И так целых полгода, пока коллега Леонид Яковлевич Минько не нашел квартиру и не предложил переехать. Однажды в дом заглянул милиционер, решил проверить, есть ли у квартирантов прописка. Ну какая прописка? Быстро сообразили стол — познакомились «поближе» со стражем порядка, да только через день квитанцию на штраф все-таки получили. Неприятное это дело — чувствовать себя виноватым.

Нуждался ли я когда-нибудь в опеке, лучше узнать у супруги Галины Федоровны, с которой в следующем году будем вместе встречать 50-ю весну. Наше знакомство — воля божья. В один из дней, на практике у К.В. Горева, я встретил милую лаборантку, которая вскоре стала моей женой. Она оканчивала техникум теплотехнической аппаратуры, в работе с приборами контроля ей не было равных. Ничего удивительного: Козерог по гороскопу, всегда упрямо идущий в гору. И училась она на отлично, и работала также хорошо. Сыграли шумную свадьбу. Начали вместе устраивать быт. У Галины Федоровны была своя комнатушка в 7 квадратов

Семья накануне призыва сына Павла в Советскую армию, 1986 г.

на ул. Библиотечной. Говорить, что мне чужды бытовые проблемы, не верно. И гвоздь прибить, и электрику посмотреть могу сам. Да и детям, дочке и сыну, несмотря на занятость, уделял много времени. Особенно когда жена училась в Минском радиотехническом институте и во Всесоюзном институте интеллектуальной собственности в Москве. Теперь она успешный патентовед. Ее патентное бюро входит в десятку лучших в стране.

Было видно, как нравится Станиславу Александровичу говорить о своей семье, детях, внуках, о любви, которую они дарят друг другу.

— А что, по-вашему, любовь?

— Буду говорить банальные вещи, извините. Любовь — то, что движет прогресс и человечество. Это сугубо личное и индивидуальное чувство. Самое ценное в любви не то, чтобы вас любили, а чтобы любили вы. Даже та любовь, которая приносит страдания, очень продуктивна в творчестве. Надо, чтобы человек «горел» всегда. Пусть нам больно, пусть мы страдаем, но зато мы живем. Мне хочется привести замечательные строки Василия Федорова: «Любовь — как жажда истины, как право есть и пить. Я, может быть, единственный, умеющий

В кругу друзей (слева направо): С. Астапчик, А. Рубинов, Н. Сирота, Н. Алехнович

любить». Я трудно схожусь с людьми, однолюб по натуре, но, если с кем-то меня связала судьба, я остаюсь верным навсегда.

— Вы очень трепетно относитесь к женщинам, почему?

— «От любви к женщине родилось все прекрасное на земле», — писал Максим Горький. У меня действительно особое к ним отношение. Я не знаю более святого существа, чем женщина. Откуда во мне это? Может, с далекого 1946-го. Помню, пригнал корову с выгона, а навстречу мне бежит незнакомая дамочка в черном сарафанчике, обнимает, целует, а я не пойму, кто это и что ей нужно. А тут бабушка говорит: «Это ж мама твоя, дурненьки». Дело в том, что три года мать провела в Германии, куда была угнана в 1943 году. Ее спасло знание немецкого языка и счастливые обстоятельства: сын хозяйки, где она работала в услужении, находился в Беларуси, страх за судьбы детей сблизил двух женщин. Мне было 10 лет, когда она после жутких мытарств добралась до Минска и летом нашла нас у родителей отца, в деревне Синча. Волевой была она, целеустремленной. У дочери Инны ее характер.

За время нашего разговора академик Астапчик прочел минимум с десяток стихов. Среди самых близких ему поэтов — Анна Ахматова, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Сергей Есенин... На видном месте, на столе в ряду рабочих документов, лежали распечатка о Николае Рубцове и сборник его стихов. Станислав Александрович восхищался непростой судьбой поэта — воспитанника детских домов. Говорил о том, что стихи поэта-самородка привлекают его яркой самобытностью, свежестью и остротой восприятия, ощущением тесной связи с природой, как и творчество Есенина.

— Научные грезы не могут жить без грез художественных. Гениальный Пуанкаре писал: «Лишь науки и искусства делают наш дух способным наслаждаться. Цель же науки — красота, ученый стремится к поиску наибольшей красоты, наибольшей гармонии мира, и вот наибольшая-то красота и приводит к наибольшей пользе!» Поэзия дарит самые сильные грезы, позволяющие ощутить жизнь чем-то очень значительным и не заканчивающимся с нашим простым существованием.

Станислав Александрович считает, что он баловень судьбы: уцелел в военное лихолетье и послевоенные голодные годы. Его кумиры — патриоты-труженики и руководители партизанского движения Беларуси Григорий Линьков, Минай Шмырев, Михаил Мормуляев и др., ученые Мстислав Келдыш, Кирилл Щелкин и Анатолий Александров, командиры производства Иван Франценюк и Кирилл Стародубов. Как человек великой эпохи он горд тем, что стал не только свидетелем, но и участником счастливого и героического времени, гражданином великой державы, имя которой СССР. Его поэтические строки: «За то, что был рожден, за то, что мучился и выжил, я благодарен маме и судьбе. А то, что в жизни столько пережил и столько понял, я благодарен детству и себе» — это осознание своего большого пути как человека и как ученого.

На прощание Станислав Александрович подарил мне автобиографическую книгу, написанную им к 70-летию. И когда я уже стояла на пороге кабинета, он вдруг остановил меня и тихо, торжественно произнес:

— Мне очень хочется сказать большое спасибо коллективу журнала за то, что вы поднимаете имена великих ученых, заставляете восторгаться их жизнью, судьбой и тем, что они сделали, помогаете не забыть известные имена. В зарисовках, которые мне посчастливилось прочесть в вашем издании о людях науки, видна нелегкая судьба каждого большого ученого. На мой взгляд, этим и прирастает престиж и привлекательность научной деятельности для молодежи.

Жанна КОМАРОВА

МОЯ ЖИТЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Победители правы на миг, а погибшие — на века.

Молчание — величественное состояние человека.

Мое определение зла — зависть и гордыня.

Память у людей короткая, есть такие замечательные строки: «Забываю, словно ржавую дверь за собой закрываю...» — это о нас, людях.

Чем больше мы помогаем другим, тем больше разочаровываемся.

Справляться с несчастьем — это воля и смирение.

Мне импонируют строки Андрея Дементьева: «Никогда ни о чем не жалейте, если то, что случилось, нельзя изменить».

Мудрость в том, чтобы не упираться, сломаешься, а сгибаться, то есть в гибкости.

Солнце всегда излучает свет и питает все живое.

Я не понимаю сотворения мира.

Завтра будет новый день, и все начнется сначала, как у Л.Н. Толстого: «Каждый день надобно делать то, что надобно».